

АКАДЕМИЯ РУССКОГО БАЛЕТА ИМЕНИ А. Я. ВАГАНОВОЙ: ОПЫТ, ТРАДИЦИИ, ПРАКТИКА

УДК 792.8

НИКОЛАЙ ЦИСКАРИДЗЕ:

«ОНА БЫЛА ЛЕГКОМЫСЛЕННА И БОГЕМНА,
НО СЛУЖИЛА БАЛЕТУ БЕСПРЕКОСЛОВНО»
(беседа о Марине Семеновой ведет Л. И. Абызова)

Л. Абызова: *Николай Максимович, вы были близко знакомы с Мариной Тимофеевной Семеновой, занимались в ее классе. Расскажите, как вы там оказались.*

Н. Цискаридзе: Класс Марины Тимофеевны Семеновой в Большом театре был закрытым: любой желающий не мог в него попасть. Там занимались только народные артисты и немногие счастливицы, приглашенные самой Семеновой.

Когда я пришел в труппу, все мэтры обязательно ходили на все спектакли. Составы исполнителей менялись редко. Поэтому когда я, 18-летний, получил свой первый спектакль, это было событием. А после спектакля я познакомился сразу с двумя главными фигурами театра — Мариной Тимофеевной Семеновой и Галиной Сергеевной Улановой.

Уланова, услышав, что я из Тбилиси, спросила, знаком ли я с Чабукиани. Его я знал, с ним репетировал *pas de trois* в «Щелкунчике».

Семенова сказала: «Мальчик, если ты хочешь танцевать хорошо, приходи в мой класс». Я, конечно, пришел и прозанимался там одиннадцать лет до последнего урока Марины Тимофеевны.

Л. А. *Каковы были особенности класса Семеновой?*

Н. Ц. Его отличала строгая иерархия. У Семеновой занимались только звезды. На уроке они стояли там, где им указала место Марина Тимофеевна. Никакой небрежности в одежде, никаких «шерстянок» не допускалось. Все правила были, как в классе Агриппины Яковлевны Вагановой. Это подтверждала Галина Сергеевна Уланова.

Атмосфера на уроке была рабочей. Но она же была и жуткой — как в школе. Если один ошибался, замечание следовало незамедлительно, и все повторяли. Напомню, что в классе были только звезды. Но повторяли все!

Семенову не интересовали звания учеников, не заботило: есть ли у них вечером спектакль, танцевали ли они накануне. Все делали полный урок в полную силу.

Недавно, когда мы начали репетировать для выпускного спектакля первый акт «Спящей красавицы», я обратился к репетиторам и материалам Мариинского театра, чтобы узнать, какую вариацию Авроры можно считать канонической.

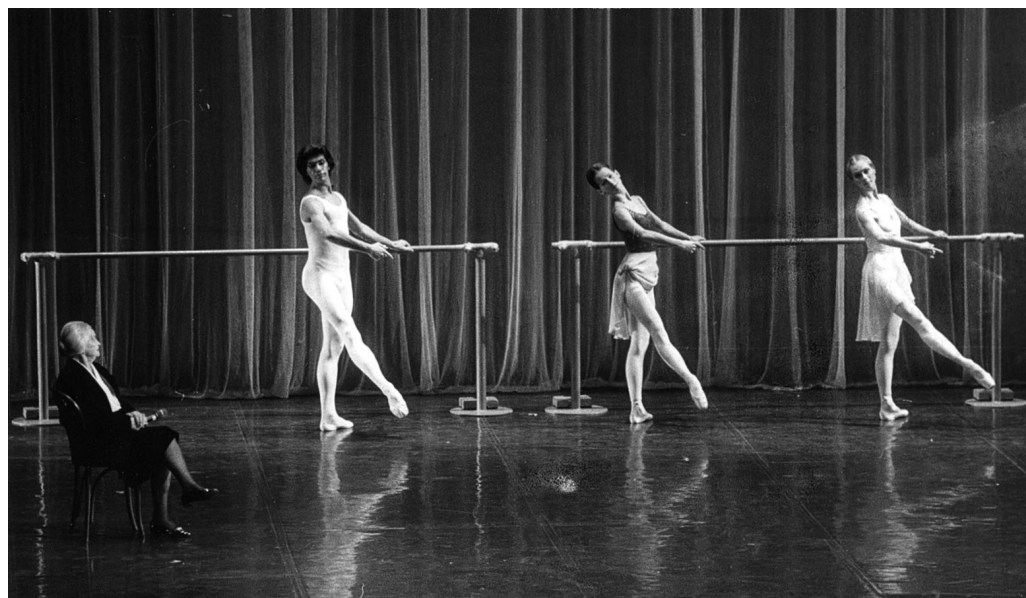
Мне предъявили сто пятьдесят разных версий! А в Большом театре с 1940-х до 2003-го исполнительницы партий Авроры, Раймонды, Никии репетировали только с Семеновой, несмотря на ее конкуренцию с Улановой. Григорович не разрешал репетировать эти партии с другими. Таким образом, без одобрения Семеновой никто не попадал на сцену. А потому, за исключением небольших индивидуальных нюансов, все тексты были у балерин одинаковыми. До 95 лет Марина Тимофеевна могла показать любое движение, включая прыжковые и вращательные.

Когда Марина Тимофеевна занималась с будущими педагогами, она требовала досконального знания текстов всех партий. Например, разбирая хореографию «Спящей красавицы», ты должен был станцевать вариации каждой феи, текст Авроры, Дезире и других персонажей.

Я не учился у Семеновой в МГАХ. Но однажды (мне тогда шел двадцать первый год) Софья Николаевна Головкина пригласила Марину Тимофеевну на чай. И Семенова сказала: «Я буду вести у Коли практику. Бесплатно». Головкина с радостью согласилась.

Л. А. Вы обрадовались?

Н. Ц. Конечно! Но как Семенова меня штырила! Она заставила освоить, что учат в первом, втором и так далее классах. Но главное: я получил хореографию Петипа из первых рук! В 1928 г. его балеты ушли из репертуара Мариинского театра. Дальше будут идти редакции Лопухова, Вагановой, Сергеева.

Н. М. Цискаридзе в классе М. Т. Семеновой. Большой театр. 1998 г.

Фото из личного архива Н. М. Цискаридзе.

В Мариинском театре вся классика Петипа была поставлена для молодой Семеновой. Партию Авроры в «Спящей красавице» Ваганова придумала для своей первой любимой ученицы. Например, все знают, что руки лебедей в «Лебедином озере» Льва Иванова переделала Ваганова. Но не все знают, почему она это сделала. У Семеновой были коротковатые руки, вот Ваганова и повернула ее кисть наружу, чтобы визуально удлинить. А потом эту хореографию повторяли Уланова, Дудинская и другие. Галина Сергеевна говорила: «Всё придумала Марина, а мы больше повторяли за ней...».

Л. А. Часто говорят об особом отношении Вагановой к своей первой воспитаннице.

Н. Ц. Да, Агриппина Яковлевна любила свою ученицу. Я читал завещание Вагановой. Там первой стоит Марина Тимофеевна Семенова, потом названы члены семьи, а за ними — Наталия Михайловна Дудинская, которую Ваганова тоже любила.

Любила их по праву. В непростые годы, когда Агриппину Яковлевну предали ее ученицы, только Семенова и Дудинская остались верны и честны, только они встали на защиту педагога. Семеновой, занимавшей в Москве высокое положение, многое удалось сделать, и благодаря ее помощи Ваганова смогла выстоять.

Л. А. Семенова рассказывала об Агриппине Яковлевне?

Н. Ц. Конечно. Она, например, с юмором вспоминала, как Ваганова писала свою знаменитую книгу «Основы классического танца»: «Груше нужно было послать Крупской программу обучения. Она сидела и спрашивала: “Марина, а как назвать то или иное движение? Давай, так!”. Таким образом, названия закрепились в 1934 г. навсегда». Вот объяснение, почему французские названия в учебнике Вагановой часто расходятся с правилами французской грамматики.

Семенова выучила многих педагогов. Неслучайно их называли «семеновский полк». Марина Тимофеевна говорила ученикам: «Не записывай комбинации. Запоминай прием выполнения и ритм — это главное. А какие движения вставить в комбинацию, как их сочетать — не так важно».

На уроке мы после *battment tendu* у станка сразу начинали вращаться. Туфли у девушек всегда были пальцевые, завязанные лентами, никаких резинок не допускалось. Она велела надевать специальный кушак, так как считала, что с годами ребра у танцовщика расходятся и корпус расползается. Все это нынче из театральной практики ушло. Сейчас я пытаюсь кое-что вернуть, но не всегда удается...

М. Т. Семенова и Н. М. Цискаридзе на юбилейном вечере в честь 90-летия балерины. Большой театр. 1998 г.

Фото из личного архива
Н. М. Цискаридзе.

М. Т. Семенова и Н. М. Цискаридзе
на юбилейном вечере в честь 95-летия
балерины. Большой театр. 2003 г.
Фото из личного архива
Н. М. Цискаридзе

Л. А. Вы хорошо знали Семенову в разных ипостасях. Что было главным в ее характере, в образе жизни?

Н. Ц. Юмор! Жизнелюбие! Марина Тимофеевна никогда не болела, а если болела, то не показывала этого никому. Казалось, она была легкомысленна и богемна, любила покутить, поиграть в карты, но служила балету беспрекословно. Как бы ни провела вечер, с утра всегда была на уроке в ГИТИСе или Большом театре.

Педагоги старой школы по залу не бегали. Они показывали руками, сидя. Пестов мог встать только для того, чтобы поправить или ударить. Семенова — тоже. Била она пре-
большо, а если щипала, то, казалось, что вырвала кусок мяса.

При такой организации урока в классе всегда есть «исполнитель»

заданий педагога. У Семеновой эту роль исполнял я. Она показывала руками комбинации, я выполнял. Ей нравилось, что я всё мог сделать: встать в любую позу, ногу поднять очень высоко, стоять устойчиво и долго. Она любила, показывая на меня, подзадорить других: «А ну-ка, девочки, вы так можете?».

Марина Тимофеевна была легка в решениях и самокритична. Могла задать комбинацию, посмотреть и сказать: «Глупость какую-то придумала. Сейчас другую сочиню».

Как я уже говорил, в классе Семеновой была строгая иерархия. Если Марина Тимофеевна отсутствовала, урок давала самая именитая по званию балерина. И вдруг в 2001 г. она заявила: «Класс будет давать Коля!». У всех был шок: я был самый молодой. Но спорить с ней никто никогда не мог — до самых последних дней ее жизни.

Марина Тимофеевна не давала интервью. Ей было, что скрывать. В шикарном особняке Лаврентия Берии до него жила Семенова с мужем...

Когда Семеновой исполнилось 90 лет, я стал уговаривать ее дать интервью газете «Нью-Йорк Таймс». Знаете, что она мне ответила? — «Обо мне писали Стефан Цвейг и Алексей Толстой. Зачем мне “Нью-Йорк Таймс”?».

Да, в свое время о ней говорил мир. Когда она в 1935 г. танцевала Жизель на сцене Парижской оперы, на ее партнера Сержа Лифаря никто не обратил внимания, а Семенова бисировала вариацию. Сильная, молодая, она делала это без

труда — могла и два, и три раза повторить. Обиженный Лифарь об этом пишет по-своему, но почитайте восторженные отзывы критики!

Л. А. Николай Максимович, как вы считаете: балерина Семенова опередила время?

Н. Ц. Так считаю не только я. Мой педагог Петр Антонович Пестов не жаловал мною обожаемую Плисецкую, говоря, что Майя Михайловна славится тем, чем в совершенстве владела Семенова на двадцать лет раньше нее.

Марина Тимофеевна не танцевала на зарубежных гастролях Большого театра. Елизавета Павловна Гердт однажды съязвила: «Советское правительство изобрело должность главной балерины мира и назначило на эту должность Галю»¹. Другая причина — после того, как ее муж был репрессирован и расстрелян, Семенова стала невыездной. На Первом московском конкурсе артистов балета Семеновой не было в жюри, а на Втором ее туда включили. Как ее приветствовали! Конечно, когда в театре появлялась Уланова, все вставали, рукоплескали. Но когда появлялась Семенова, всё рушилось!

Марина Тимофеевна об этом не задумывалась. Она была легким человеком. Когда ей исполнилось 95 лет, она утром дала урок, вечером был юбилейный спектакль, после которого Марина Тимофеевна помахала ручкой, сказала: «Всё, я устала». И больше в театр не пришла...

¹ Имеется в виду Галина Сергеевна Уланова.